

**К проблеме репрезентации в языке: вербализация концепта
«пространство» в диахронии**

Настоящая статья посвящена изучению проблемы вербальной объективации концепта «пространство» в диахронии посредством языковых единиц дзн., свн. и нач. рзнв периодов, именно рассмотрению признаков концепта, конституирующих его и обладающих большей или меньшей степенью экспликации в сознании и языке носителя соответствующего концепта. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным под «совокупностью когнитивных признаков, отражающих отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления» понимаем собственно содержание концепта [11. С. 115]. Наряду с проблемой содержания концепта в рамках данной статье на рассмотрение выносятся также вопрос, касающийся структуры концепта.

Одной из центральных проблем, снова с большим интересом обсуждаемых современными лингвистами¹, стала проблема ментальных и вербальных репрезентаций, которой были посвящены многочисленные работы первого поколения когнитологов, что было обусловлено интересом к природе знания как такового и к сущности разнообразных мыслительных процессов, относящихся к его возникновению и его использованию.

Занимаясь рассмотрением проблемы репрезентации в языке, Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков полагают, что само понятие так и не получило общепринятого определения, более того, «до сих пор смешиваются представления о ментальных репрезентациях, с одной стороны (в сознании человека), и о языковых репрезентациях (репрезентациях, объективированных или объективируемых в языке), с

¹ См. Вопросы когнитивной лингвистики 2007, №4, а также Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов/ РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина.- М.: 2007. - 397 с.

другой». Такое смещение понятий недопустимо, так как может привести к «смещению двух разных проблем – одной, касающейся вопроса о том, как мы видим мир и как этот мир отражен в существующих мнениях, знаниях, верованиях людей, и как – в отличие от этого- часть названной концептуальной системы объективирована языком и представлена, таким образом, в форме языковых репрезентаций» [5. С. 8-11].

Е.М. Позднякова, выбирая в качестве объекта изучения ментальные и языковые репрезентации, в частности, сложные корреляции между структурами языка и структурами знаний, указывает на два возможных пути анализа. С одной стороны, отправным моментом могут быть языковые формы, от них мы идем к структурам сознания и человеческому мозгу. С другой стороны, языковые формы рассматриваются как производные концептуализации мира человеческим сознанием, т.е. апеллируя к ментальным сущностям и представлениям, определяем сущность знаков. Таким образом, анализу могут подвергаться как объективные языковые формы, так и идеальные сущности¹ [10. С. 44-50]. Мы выбираем первый путь анализа: от вербальной объективации концепта идем к ментальной репрезентации объективно существующей пространственной действительности, которая, несмотря на субъективизм ментальных репрезентаций (в том смысле, что отражение мира индивидуально), познаваема человеком².

¹ Е.С. Кубрякова решение проблемы на данном этапе развития когнитивно – дискурсивной парадигмы видит «в совершении «челночных» операций - от собранного материала нужно переходить к построению гипотез о том, в какую систему укладываются факты. От гипотезы и проверки фактов следует переходить к уточнению теории. При этом главной целью будет выявить мотивы обозначений в определенных языковых формах и связь обозначения с другими когнитивными способностями человека. Таким образом, подчеркивает Е.С. Кубрякова в фокусе нашего внимания должна находиться корреляция номинативной деятельности человека со всеми прочими видами когнитивной деятельности» [10. С. 67-70].

² Придание языку роли носителя индивидуальных значений и смыслов ведет к принципиальной оторванности человеческой когниции от реального мира, вследствие чего получается, что в результате «конструирования мира» язык - это зеркало субъективных когнитивных процессов человека, а реальный мир существует как бы сам по себе, чего по мнению лингвистов быть не может [10. С. 67-70].

Исследование репрезентации концепта «пространство» осуществляется в рамках когнитивно - дискурсивной парадигмы знания, характеризуемой экспансионизмом, экспланаторностью, функционализмом и антропоцентризмом [4. С. 207].

В качестве репрезентантов концепта в настоящей статье рассматриваются корневые, производные и сложные лексемы со значением пространства, относящиеся к полнозначным именным частям речи: существительным, прилагательным, наречиям двн., свн., начала рнвн, а также устойчивые выражения.

Концепт «пространство», рассматривается нами как один из базовых концептов, которому принадлежит важнейшая роль в построении всей концептуальной системы, наиболее значимая оперативная единица сознания в формировании и развитии картины мира человека.

Выбор фразеологизмов в качестве возможных объективаторов концепта, продиктован тем, что семантико-этимологический анализ устойчивых единиц языка способствует пониманию мировоззрения человека определенной эпохи, его картины мира, частью которой непременно является представление о пространстве, окружающем человека и накладывающем отпечаток на его жизнедеятельность. Выше сказанное вытекает из понимания самой природы устойчивых единиц, которые, как подчеркивает В.Н. Телия, отображают в своих образных основаниях окультуренное мировидение народа, в том числе - и наиболее древние его пласты, передавая память о них из поколения в поколение¹ [13. С.

¹ К архитепическим, наиболее древним и основным источникам образных оснований фразеологизмов относятся те формы и способы сознания, осознания и моделирования мира-хаоса, которые представляют собой результат преобразования хаоса в порядок, основанный на моделирующе-ориентационных противопоставлениях пространственно-космогонического плана (типа «верх-низ», «правый-левый», «небо-земля» и др.), антропо-онтологического плана (типа «жизнь-смерть», «человек-животное», «мужской-женский»), также изначально социально-родового, этнического плана (свой-чужой) и некоторые другие архитепические оппозиции, соотносящиеся с миром «Действительное». К мифологическим источникам культуры во фразеологизмах относят пласты коллективных представлений о мироустройстве, отображающих формы и способы преобразования мира-хаоса в антропоморфный космос, воспринимаемый как объективный миропорядок [13. С. 437-438].

437]. С выше представленными точками зрения согласна также и В.А. Маслова. По ее мнению фразеологические единицы, являясь «зеркалом жизни нации», «ценнейшим источником сведений о культуре народа», отражают в своей семантике длительный процесс ее развития, фиксируют и передают из поколения к поколению ее установки и стереотипы, культурно- национальные эталоны и архетипы, в них как бы законсервированы представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении, они отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [8. С. 43, 82-88].

В качестве основополагающего подхода к анализу языковых единиц - репрезентантов концепта - используется семантико- когнитивный подход, главное положение которого сводится к тому, что через изучение семантики языковых знаков можно проникнуть в концептосферу человека [11. С. 18], совокупность концептов, из которых как из мозаичных кусочков складывается полотно миропонимания носителя языка [7. С. 34], по В.В. Красных, совокупность необходимо обязательных знаний и национально – детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально- лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально- культурного менталитета [11. С. 37].

Специфика рассматриваемого нами концепта «пространство» заключается том, что он является, с одной стороны, универсальным, а с другой, благодаря наличию ценностного характера (а это, согласно В.И. Карасику и Г.Г. Слышкину, есть его отличительный признак от других ментальных единиц - фреймов, сценариев, скриптов) - культурным [3. С. 75-79]. Последнее обуславливает выбор лингвокультурологического подхода к пониманию концепта, заключающегося в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом, микромоделью

(В.И. Карасик), ментальной проекцией элементов культуры (В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин), сгустком культуры в сознании человека, основной ячейкой культуры в ментальном мире человека (Ю.С. Степанов).

С самого начала когнитивных исследований актуальной являлась проблема структурирования концепта. Структура концепта, по мнению М.В. Пименовой, изменчива во времени, что обусловлено многочисленными экстралингвистическими (социально-экономические трансформации общества, смена моральных ценностей, выбор ценностных приоритетов), а также языковыми факторами (заимствования, деривационные процессы, метафоризация и др.) [9. С. 84].

Разные ученые предлагают различные способы описания структуры концепта. Ю.С. Степанов в качестве конститuentов концепта называет определенные признаки или слои. «Слоистое» строение концепта является результатом, «осадком» культурной жизни разных исторических периодов, т.е., складываясь из разных слоев, отличных по времени образования, по происхождению и по семантике, концепт отражает на когнитивном уровне своеобразие жизни разных эпох. В.И. Карасик считает более целесообразным рассматривать выделенные признаки или слои не как компоненты единого концепта, а как отдельные концепты [2. С. 115-116] (см. табл.).

<p><i>Ю.С. Степанов</i> основной признак/слой</p>	<p>(актуальный)</p>	<p><i>В.И. Карасик</i> общенациональный признак, известным каждому носителю культуры и значимый для него</p>
<p>дополнительный исторический) признак/слой</p>	<p>(пассивный,</p>	<p>концепты отдельных субкультур, которые включают в себя признаки, актуальные для определенных групп носителей культуры</p>
<p>этимологический признак/слой (внутренняя форма / этимология)</p>	<p>культурный детерминирующий</p>	<p>элемент, концепт</p>

(внутренняя форма концепта)

В.А. Маслова предлагает круговую структуру концепта, в центре такого круга лежит ядро концепта (словарные значения той или иной лексемы), а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом, это различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации» [7. С. 58].

Концепт, как вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры, как культурно отмеченный вербализованный смысл (дефиниция Р.М. Фрумкиной) структурно представлен, по нашему мнению, некоторой совокупностью полярностей, которые реализуются в языке посредством различных лексем и фразеологизмов, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму.

Такой подход к структуре концепта объясняется объективно бинарным характером понимания самого пространства, что связано с психофизиологическими особенностями восприятия человеком окружающей действительности. Выбор возможности структурирования концепта путем оппозиций может быть также обоснован как в онтологическом, так и в гносеологическом ракурсе.

Метод анализа бинарных оппозиций как один из способов описания пространства, его основных параметров представлен в лингвокультурологических исследованиях Т.В. Цивьян, Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В.Топоровой, Н.И. Толстого, В.А. Масловой и др.

Главенствующее место в системе оппозиций занимает противопоставление «верх-низ» и «внутренний - внешний», связанное с концепцией круга, центр которого расположен в точке пересечения горизонтальной и вертикальной оси. Член оппозиции, описываемый нами как «внешний», представлен как пространство далекое, также чужое в социальном коде и плохое в аксеологическом аспекте, соответственно

структурирующий оппозицию конститuent «внутренний» обозначает близкое, минимально удаленное от центра круга, свое, хорошее пространство.

Рассмотрим на некоторых примерах реализацию категориальных признаков концепта «пространство», названных выше. Подчеркнем, что вербальная объективация того или иного концептуального признака, степень его экспликации (его доминирующий характер - максимальная близость к ядру концепта - или, напротив, его расположение в периферийной части концепта) обусловлена: как исторически (особенностями исторического развития общества), так и культурно (культурными традициями), а кроме того менталитетом человека, т.е. «специфическим способом восприятия и понимания действительности, который определяется совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной социальной или этнической группы людей» [11. С. 57-58].

Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами. Оппозиция «верх-низ» представлена, среди прочего, противопоставлением верхнего мира, с одной стороны – миру людей (срединному), с другой стороны – нижнему, подземному. Нижний мир характеризуется набором следующих категориальных/концептуальных признаков (далее КП):

1. КП «мир мертвых»

Вербальными репрезентантами этого КП являются в первую очередь двн. *hella*, свн. *helle*, двн. *gruoba*, свн. *gruobe*, двн. *kellarî*, свн. *keller*, а также производные, напр. свн. *underwe(r)lt* и сложные двн. *hellagruoba*, *hellabodum*. Семантический анализ приведенных лексем показывает, что в них наиболее явно выражено именно пространственное значение. В качестве доказательства можно привести также фразеологизмы со значением «умирать»: *in sîne gruobe komen (PWB)*, *zum finsteren keller*

fâren и *under diu erde komen* (PWB). В нвн. часть названных единиц (двн. *gruoba*, *kellari*) утратила рассматриваемый компонент значения.

2. КП «укрытие»

Этимологический анализ показывает, что лексема двн. *hella*, свн. *helle* восходит к и.-е. **kel-* со значением «укрывать, прятать» (ср. гот. *halja* «укрытие»). Слово двн. *loh/ lûf/ luof*, свн. *loch* также первоначально означало «укрытие», «закрытие», о чем свидетельствует двн. глагол *lûhhan* «закрывать».

3. КП «чужой»(→ «враждебный»)

Характеризующий нижний мир концептуальный признак «чужой», «враждебный» имплицитно реализуется в именовании обитателей нижнего мира, напр. двн. *altfiant* и тех, кто был осужден на пребывание в нем, изгнанных из общества, из «своего» пространства, а потому ставших «чужими» (ср. двн. *reckeo*, свн. *recke-* «Verfolgter», «Verbannter», др.-англ. *wrecca* «Flüchtling»).

4. КП «страдание»

В качестве языкового репрезентанта этого КП рассматриваются свн. *viur*, свн. *bëch* и двн. *sweval*, свн. *swivel/ swëbel*, являющиеся метонимическим обозначением нижнего мира, напр. в устойчивых выражениях, как - *das ewige viur* (PWB), *bëch unde swëbel* (PWB). Огонь (*viur*, символически двн. *beh*) - в представлении средневекового человека - неотъемлемый элемент подземного мира, посредством которого происходил процесс очищения человеческой души от грехов.

Концептуальные признаки «мир мертвых», «укрытие», «чужой»(→ «враждебный»), «страдание» раскрывают часть содержания концепта «пространство», которое (пространство) рассматривается в аспекте вертикали, конституируясь оппозицией «верх-низ».

Представление человека о нижнем мире, изначально детерминированное языческим мировоззрением, подверженное воздействию христианского учения, было достаточно противоречиво: с одной стороны это место, где можно было найти укрытие, а с другой – чужое, враждебное, где каждый, попавший туда подвергался страданиям и мучениям.

Из сказанного можно сделать общий вывод о наличии некоторых особенностей репрезентации концепта на определенном историческом этапе, а также о культурно- исторической обусловленности его содержания.

В качестве следующего примера рассмотрим языковой репрезентант ментального представления «чужого» (оппозиция «свой-чужой») пространства - двн., свн. *ort*. Пространственное значение, свойственное лексеме в современном языке, не было основным в двн. и свн. периоды. Главным значением было «острие оружия, меча, копья, дротика, край чего-либо». Согласно Ф.Клуге, развитие значения слова происходило следующим образом: „Spitze“ → „Waffenspitze“ → „äußerstes Ende“ → „Gegend, Stelle“). Пространственная сема из периферийной зоны перемещается к центру и становится доминирующей. Об употреблении слова двн., свн. *ort* в пространственном значении, а именно в значении «край», «(дальняя) сторона (света)» свидетельствует устойчивое свн. выражение *Die vier ort der wërldē (PWB)*. Одновременно происходит полная или частичная утрата других сем, следствием чего является неупотребление слова в том или ином значении, свойственном ему в двн. и свн. периоды (первичное значение сохранилось лишь в языке горнорабочих: «vor Ort» - «an der Spitze des Grubengangs» (EWK)).

Также хотелось бы подчеркнуть, что рассматриваемая лексема объективировала в языке представление не только о далеком

пространстве, но и представление о близком, своем пространстве. Есть основания полагать, что словом двн., свн. *ort* называли «деревню» (ср.: др.-англ *weorð* „двор“, свн. *worde* «erhöhter Platz, Hofstätte»), а также часть дома, комнату, жилище.

По версии М.М. Маковского, наличие значения «свой/ близкий» доказывается тем, что лексемой *Ort* обозначали «место разведения огня, очаг, место, где горел сакральный огонь», лексема восходит к и.-е. **ar/*or* **uer* «огонь», ср. латыш. *ârds* «место, огороженное кольями».

Таким образом, в ходе семантико –этимологического анализа лексемы двн., свн. *ort* раскрывается интереснейшее ее свойство объединять в себе два противоположных значения, или, другими словами, служить языковым репрезентантом двух КП концепта «пространство»: «близкий/ свой – далекий/ чужой» .

Другим интересным примером является возможность реализации КП «чужой» (оппозиция «свой-чужой») лексемой двн. *ouwia*, свн. *ouwa*. Ее первичное значение - «местность в/вблизи воды». Исходя из значения фразеологизма *an/ in ouwe gân (PWB)* «zugrunde gehen», заключаем, что лексема двн. *ouwia*, имеющая в семантической структуре значения сему гибели, являлась языковым репрезентантом такого признака концепта «пространство», как «чужой, враждебный», поскольку именно чужое и враждебное пространство мыслилась человеком с языческо- христианским мировоззрением как опасное, угрожающее жизни.

В качестве репрезентантов КП «далекий» (оппозиции «близкий - далекий»/ «хороший – плохой») концепта «пространство» рассматриваются лексемы двн., свн *wît* , двн. *ferro, fer*, свн. *ver*, также их синонимы свн. *unnâch, unnæhe*. Особенно интересной нам представляется в этой связи двн. лексема *wîtuobele* со значением «weiter Raum». Второй компонент этой лексемы – *uobele* - имеет значение «плохой, неприятный, злой,

страшный». Приведенный пример ярко демонстрирует связь двух КП концепта «пространство»: «далекий» и «злой, плохой».

Рассмотрим, как коррелирует противопоставление «свой-чужой» с аксеологической оппозицией «хороший –плохой». Для этого остановимся на вербальной объективации концепта посредством лексем, обозначающих стороны света: юг- север, восток- запад, также рассмотрим полярность «правый-левый».

В двн. встречается лексема *nordsîta* - «Land im Norden». Это - сложное слово с корнями *nord* и *sîta*. В компоненте *sîta* имплицитно отрицательное значение, подтверждением чего может служить др.-сканд. *seið* со значением «колдовство», ср. также *absîte* в значении «die abliegende Gegend», а также *ensît* «jenseits», т.е. «по ту сторону/ в другой/ чужой стороне».

Ф. Клуге в качестве исходного значения, которое присущего двн. *nordan*, свн. *norden*, рассматривает значение «внизу», «слева», от и.-е. **ner-* «вниз, внизу» (ср. с др.-инд. *naraka-* «Hölle»). Все, трактуемое в контексте нижнего мира и связанное с ним, как мы видели выше, несет негативную оценку. Таким образом, лексема со значением «север, северная сторона» может служить репрезентантом концепта «чужое пространство».

Аналогично в противопоставлении «запад- восток» отрицательно маркированным в аксиологическом отношении членом является запад, двн. *westana*, свн. *westen*, с ним связано представление о заходящем солнце, мраке, несчастье.

Кроме того, негерманские соответствия рассматриваемой лексемы со значением «вечер¹», напр. греч. *hesperos*, лат. *vesper*, слав. *večerŭ*, лит.

¹ По мнению М.М. Маковского, понятие «вечер» соотносится с понятиями «убивать, губить», а немецкое слово *Abend* можно истолковать как сочетание усилительной частицы *a-* с корнем,

vakaras, свидетельствует о ее потенциальной возможности имплицитного выражения темного, непостижимого вследствие своей удаленности, а значит чужого, плохого пространства. Ср. употребляемые в значении „Abendland“ сложные лексемы с первым компонентом *wester-*, напр. *westerland*, *westerrîch* (они выходят из употребления уже в 16 в.).

А вот интерпретация оппозиции «левый- правый», сопоставляемая Ю.М. Лотманом по своей значимости с противопоставлением «верх-низ» и рассматриваемая им как универсальная для всех человеческих культур [б. С. 175], допускает прямо противоположные трактовки, подобно тому, как это приводилось на примере слова *Ort*.

Так, по одной версии, сему «плохое, злое» несет оппозиционный член «левый», о чем говорят Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Физиологическое различие правой и левой руки человека легло в основу интерпретации «правого» как сильного, ср. др.-англ. *swiðra*, *swiðor*, *swaðu* «правый», а также «сильнее» (от прил. др.-англ. *swið* «сильный»). Согласно христианским представлениям, правая сторона – сторона защищающая, это то место, которое будет местом избранных во время страшного суда. Проклятые попадут в левую сторону двн. *winestra*, это направление ада, так двн. *winstarhalb* – «на плохой стороне» [1. С. 154].

Но возможна и другая интерпретация, «позитивная мотивировка», представленная С.Г. Проскуриным. Так, в др.-англ., левая рука называлась *winestra*, ср. др.-сакс. *winestro*, здесь можно провести параллель с др.-англ. *wine* в значении «защита». Действительно, левая рука держала щит и осмыслялась как защищающая¹.

представленным авест. *banta* «больной», др.-сев. *bani*, англ. *bane* «смерть», гот. *banja* «рана», латыш. *bendēt* «губить»

¹ представляя член оппозиции «левый» как положительную конституирующую противопоставления «левый- правый», С.Г. Проскурин приводит такой пример заговора от недуга из др.-англ.: *swigende þis written dan þas wort swigende on þa winstran breost* «в тишине напиши это и положи тихо на левую грудь» [12. С. 20-21].

По мнению С.Г. Проскурина, *winestra* сближается также с лат. *venus* «грация, любовь», а также др.-англ. *wynn* «прелесть» [12. С. 20-21]. Семантическая связь «левый, женский прекрасный, защищающий» является доминирующей во многих культурных традициях.

Итак, в настоящей статье, в рамках рассмотрения проблем вербальной репрезентации ментального знания и структуризации концепта, была сделана попытка показать на нескольких примерах, каким образом происходит языковая объективация некоторых концептуальных признаков, дающих в своей совокупности представление о содержании рассматриваемого концепта, структурированного нами в виде системы нескольких оппозиций.

Дальнейшая работа в обозначенном в статье направлении позволит не только описать способы вербализации концепта «пространство», но и сделать выводы о диахронических изменениях в способах репрезентации анализируемого концепта, выявить факторы, обуславливающие эти изменения.

Список использованной литературы

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Из-во Тбилисского университета.- Тбилисси. 1984 г.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.- М., 2004, 390 с.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования// Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд./ под ред. И.А. Стернина.- Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 75-79
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)// Язык и наука XX века: Сб. ст. - М.: РГГУ.1995.С.144-238
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. - Тамбов, 2007, № 4. С. 8-16
6. Лотман Ю.М. Семиосфера.- СПб: «Искусство - СПб», 2000.- 704 с.
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие/ В.А. Маслова.- М.: Флинта: Наука, 2004.- 296 с.

8. Маслова В.А. Лингвокультурология: уч. пос. для студ. высш. учеб. заведений.- 3-е изд., испр.- М.: «Академия», 2007.- 208 с.
9. Пименова М.В. Введение в концептуальные исследования: уч. пособие/ М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева: ГОУ ВПО «Кемер. гос. ун-т».- Кемерово: Кузбассвузизд, 2006.- 179 с.
10. Позднякова Е.М. К вопросу о методологии репрезентационализма // Вопросы когнитивной лингвистики.- Тамбов, 2007, № 4, С. 44-50
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика .- М.: АСТ: Восток- Запад, 2007.- с. 314
12. Проскурин С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей. Автореф. канд. филол. наук. - М. 1990.- 22 с.
13. Телия В.Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболарий в архитектонике фразеологизмов-идиом// Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. - М.: ЛЕНАНД, 2007. С.433 - 442

Список использованных исторических и этимологических словарей

1. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М., 2004. Изд-во «Азбуковние», 630 с.
2. Baufeld, Christa Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch. Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1996.
3. Kluge, Friedrich Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 2002.
4. Lexer, Matthias Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1956.
5. Schützeichel, R Althochdeutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2006.

Список используемых сокращений источников

1. (EWK) - Kluge, Friedrich Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 2002
2. (PWB) - Jesko Friedrich Phraseologisches Wörterbuch der mittelhochdeutschen Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050-1350. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2006